Звонок после полуночи

Автор:
Тесс Герритсен

Звонок после полуночи

Тесс Герритсен

Иностранный детектив

Полночный звонок телефона разбудил и испугал Сару Фонтейн. Она ждала звонка своего мужа из Лондона, но вместо этого услышала в трубке совершенно незнакомый голос. Ник О’Хара из департамента иностранных дел США принес ей страшную новость – ее молодой муж Джеффри Фонтейн погиб при пожаре в одном из отелей Берлина… Но Сара убеждена, что ее муж жив! И они вместе с Ником перевернут всю Европу, разыскивая его! Пытаясь остановить опасного убийцу, они попадают в сеть таинственного международного шпионажа, рискуя всем, чтобы получить ответы на свои вопросы…

Тесс Герритсен

Звонок после полуночи

Terry Gerritsen

CALL AFTER MIDNIGHT

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Иностранный детектив»

Call After Midnight

Copyright © 1987 by Terry Gerritsen

«Звонок после полуночи»

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

* * *

Пролог

Берлин

Если надавливать на сонную артерию в течение двадцати секунд, человек лишится сознания. А еще через две минуты наступит смерть. Эти сведения Саймон Дэнс почерпнул не из учебников по медицине, а из личного опыта. Еще Дэнс знал, что удавку следует хорошенько натянуть. Если этого не сделать, если хоть капля крови достигнет мозга жертвы, схватка будет долгой. А это подвергнет его дополнительной опасности. Ведь нет ничего опасней умирающего человека.

Крадясь в темноте, Дэнс накрутил удавку на руки и бросил взгляд на фосфоресцирующий циферблат наручных часов. С тех пор как он потушил свет, прошло два часа. Видимо, предусмотрительный убийца хотел дождаться, когда Дэнс крепко заснет. Если он профессионал, то должен знать, что первые два часа – это время наиболее глубокого сна. А значит, время для нападения пришло.

Со стороны холла донесся звук скрипнувшей ступеньки. Дэнс замер, медленно распрямил спину и остался ждать у двери под покровом темноты. Сердце учащенно колотилось в груди, но он не обращал на это внимания. Дэнс ощутил знакомый прилив адреналина, и все его чувства тут же обострились. Он натянул удавку.

В дверную скважину вставили ключ. Дэнс услышал металлический звук: зубчики ключа тихо задели механизм скважины. Ключ повернули, потом раздался глухой щелчок. Дверь медленно открылась, и в комнату проник свет из холла. Тень на полу двинулась вперед, человек повернул голову в сторону кровати, туда, где, по его мнению, спал Дэнс. Тень подняла руку. Подушки пронзили три пули, выпущенные из пистолета с глушителем. После третьей пули Дэнс взялся за дело.

Накинув удавку на шею незваного гостя, он потянул ее вверх и назад. Шнур сдавил сонную артерию идеально. Пистолет упал на пол. Пойманный издыхал, как рыба на крючке, лихорадочно стараясь ослабить удавку. Он попытался вцепиться пальцами в лицо Дэнса, но его руки и ноги вдруг начали хаотично

дергаться. Через некоторое время ноги стали ослабевать, руки в последний раз попытались дотянуться до Дэнса, а потом безвольно повисли. Дэнс отсчитывал минуты. Он чувствовал последние спазмы умирающего тела – результат кислородного голодания и гибели клеток мозга – и продолжал душить.

Через три минуты он ослабил хватку, и бесчувственное тело упало на пол. Дэнс включил свет и посмотрел на убитого им человека.

Лицо в веснушках казалось знакомым. Возможно, Дэнс видел этого мужчину на улице или в поезде, но имени его он не знал. Дэнс быстро обыскал мертвеца, но нашел лишь деньги, ключи от машины и несколько инструментов, которые относились к профессии незнакомца: запасная патронная обойма, финский нож, отмычка. «Профессионал, – подумал Дэнс. – Интересно, сколько ему заплатили?»

Дэнс сбросил на пол подушки, которые лежали под одеялом, и затащил тело на кровать. Рост убийцы составлял около шести футов плюс-минус один дюйм. Тот же рост, что и у него. Хорошо. Дэнс поменялся с мертвецом одеждой. Возможно, такая мера предосторожности была излишней, но Дэнс привык все делать досконально. Он снял свое обручальное кольцо и попытался надеть его на палец трупа. Кольцо не налезало. Тогда Дэнс отправился в ванную, намылил кольцо и, вернувшись, сумел-таки надеть его на палец мертвеца. Потом Дэнс сел и выкурил пару сигарет. Он тщательно обдумывал каждую деталь, стараясь ничего не упустить.

Конечно же три пули. Осмотрев подушки, Дэнс нашел две из них. Третья, очевидно, застряла где-то в матрасе. Отыскать ее он не успел. За дверью послышались шаги. А вдруг убийца пришел не один? Дэнс схватил с пола пистолет, нацелил дуло на дверь и стал ждать. Шаги стали тише. Кто-то прошел дальше по коридору. Ложная тревога. Однако пора уходить. Глупо задерживаться дольше.

Дэнс открыл ящик комода и достал бутылку с метанолом. Он сгорит быстро и не оставит улик. Дэнс облил метанолом труп, кровать и ковер вокруг нее. В комнате не было сигнализаторов дыма и оросителей. Именно поэтому Дэнс и остановился в этой старой гостинице. Он поставил рядом с кроватью пепельницу, собрал вещи незнакомца и вместе с пустой бутылкой из-под метанола положил их в пакет для мусора. Потом поджег кровать.

Пламя вспыхнуло моментально и через несколько мгновений охватило мертвое тело. Дэнс подождал, пока обгорит до неузнаваемости.

Прихватив мусорный пакет, он вышел из номера, запер дверь и пересек холл. Дэнс не видел смысла в убийстве невинных людей, поэтому разбил стекло и дернул рычаг пожарной тревоги. Потом спустился по лестнице на первый этаж.

Скрывшись в переулке неподалеку от гостиницы, Дэнс наблюдал, как из окна его номера вырываются языки пламени. Постояльцев эвакуировали. Улицу наводнили укутанные в одеяла люди с заспанными лицами. Через десять минут подъехали пожарные машины. К тому времени номер Дэнса превратился в пылающий ад.

Через час огонь удалось потушить. К дрожащим от холода постояльцам гостиницы присоединилась толпа зевак. Дэнс принялся изучать их лица. Он делал пометки у себя в памяти. Если он увидит кого-нибудь из этих людей снова, это будет для него предупреждением.

Вдруг сквозь толпу Дэнс заметил черный лимузин, медленно ехавший вдоль улицы. Он узнал человека на заднем сиденье. Так, значит, и ЦРУ здесь. Очень интересно.

Он видел достаточно. Было поздно, а ему еще предстояло вернуться в Амстердам.

Пройдя три квартала, Дэнс выбросил пакет с пустой бутылкой из-под метанола в мусорный контейнер. Вот и все. Он выполнил то, для чего приезжал в Берлин. Он убил Джеффри Фонтейна. Теперь пора исчезнуть. Насвистывая, Дэнс шел под покровом ночи.

Амстердам

Старика разбудили в три часа ночи и сообщили новость: «Джеффри Фонтейн мертв».

– Как? – выдохнул старик.

– Пожар в гостинице. Сказали, что он курил в постели.

– Несчастный случай? Невозможно! Где тело?

– В Берлине, в морге. Сильно обгорело.

«Ну конечно, – подумал старик. – Мне следовало догадаться, что тело будет непригодно для опознания».

Саймон Дэнс, как обычно, великолепно замел следы. Итак, они снова его упустили.

Однако у старика имелся туз в рукаве.

– Ты говорил, у него в Америке есть жена, – сказал он. – Где она живет?

– В Вашингтоне.

– Я хочу, чтобы за ней следили.

– Но зачем? Я же говорю вам, парень мертв.

– Нет. Он жив. Я в этом уверен. А эта женщина может знать, где он. Я хочу, чтобы за ней присмотрели.

– Я скажу своим людям…

– Нет. Я пришлю своего человека. На которого могу рассчитывать.

Наступила пауза.

– Я добуду для вас ее адрес.

Старик повесил трубку, но заснуть снова уже не смог. Пять лет он ждал. Пять лет он искал. Подойти так близко – и снова не суметь! Теперь все зависит от того, что знает эта женщина из Вашингтона.

Старик должен дождаться, когда она выдаст себя. Он пошлет к ней Кронена, того, кто ни разу его не подводил. У Кронена свои методы получения информации – методы, перед которыми сложно устоять. И еще Кронен обладает особым талантом. Талантом убеждать.

Глава 1

Вашингтон

После полуночи зазвонил телефон.

Сара слышала этот звонок сквозь тяжелую завесу сна. Звук казался таким далеким, словно сигнал тревоги, доносящийся из очень отдаленной комнаты. Сара попыталась проснуться, но так и осталась где-то между сном и явью. Она должна ответить. Сара знала, что это звонил Джеффри, ее муж.

Весь вечер она ждала, чтобы услышать его голос. Это был вечер среды. А во время своих ежемесячных командировок в Лондон Джеффри всегда звонил домой по средам. Но Сара заболела гриппом, поэтому сегодня отправилась спать рано. В городе свирепствовала эпидемия гриппа А-69, который завезли из Гонконга. Этот грипп скосил половину сотрудников лаборатории, где работала Сара. Около часа она читала, сидя в кровати, и успешно боролась со сном. Однако сухая манера повествования статьи из свежего журнала по микробиологии подействовала на Сару лучше всякого снотворного, и вскоре она откинулась на подушки, даже не сняв очки. «Я просто немного отдохну, – пообещала она себе. – Только вздремну, и все…» И в конце концов сон овладел ею.

Вздрогнув, Сара проснулась. На столике у кровати горел ночник, раскрытый журнал лежал у нее на груди. Комната расплывалась перед глазами. Сара поправила сползшие очки и посмотрела на часы. Двенадцать тридцать. Стояла полная тишина. Может, телефонный звонок ей приснился?

Телефон зазвонил снова. Вздрогнув, Сара схватила трубку.

– Сара Фонтейн? – спросил мужской голос.

Это был не Джеффри. Внезапная тревога пронзила Сару, подобно молнии. Случилось что-то очень плохое. Сара села на кровати, прогоняя остатки сна.

– Да, я слушаю.

– Миссис Фонтейн, это Николас О’Хара из Департамента иностранных дел Соединенных Штатов. Извините за такой поздний звонок, но…

Он замолчал. Тревога Сары усилилась. Эта намеренная, хорошо отработанная пауза служила для того, чтобы подготовить ее к чему-то плохому.

– Боюсь, у меня для вас плохие новости, – закончил Николас О’Хара.

Стало трудно дышать. Сара хотела закричать: «Ну говорите же! Говорите, что случилось!» Но ей удалось только прошептать:

– Да. Я слушаю.

– Это насчет вашего мужа, Джеффри. Произошел несчастный случай.

«Этого не может быть, – подумала Сара, закрывая глаза. – Если бы с Джеффри что-то случилось, я бы это почувствовала. Я как-нибудь догадалась бы…»

– Да, пожалуйста, продолжайте.

О’Хара прочистил горло:

– Мне очень жаль, миссис Фонтейн, ваш муж… погиб.

Он замолчал, дав ей время прийти в себя. Сара зажала рот рукой, стараясь подавить рыдания. Это слишком личное, она не хотела делиться своей болью с незнакомым человеком.

– Миссис Фонтейн? – осторожно произнес Николас О’Хара. – Вы в порядке?

Сара судорожно вздохнула и прошептала:

– Да.

– Не беспокойтесь о… технической стороне дела. Я предоставлю нашему консульству в Берлине все необходимые сведения. Конечно, придется подождать, но как только власти Германии разрешат забрать тело, не должно возникнуть никаких…

– Берлин? – перебила Николаса Сара.

– Видите ли, это дело находится под юрисдикцией Германии. Полный отчет будет составлен, как только полиция Берлина…

– Но это же невозможно!

Николас О’Хара старался сохранять терпение.

– Прошу прощения, миссис Фонтейн. Тело вашего мужа опознали. Нет никаких сомнений в том, что…

– Джеффри был в Лондоне! – воскликнула Сара.

Воцарилось долгое молчание.

– Миссис Фонтейн, – произнес О’Хара отвратительно спокойным тоном, – несчастный случай произошел в Берлине.

– Наверное, это какая-то ошибка. Джеффри уезжал в Лондон. Он не мог находиться в Германии!

Последовала еще одна более долгая пауза. Сара поняла, что Николас О’Хара в замешательстве. Она так сильно прижимала трубку к уху, что в течение нескольких секунд слышала только биение своего сердца. Произошла какая-то дурацкая ошибка. Кто-то кого-то не понял. Джеффри жив. Сара представила, как он смеется над нелепыми известиями о своей смерти. Да, они будут вместе

смеяться над этим, когда он вернется домой. Если он вернется.

– Миссис Фонтейн, – наконец произнес О’Хара, – в каком отеле остановился ваш муж в Лондоне?

– «Савой»… У меня где-то был их номер… Я поищу…

– Не беспокойтесь, я сам его узнаю. Мне нужно сделать несколько звонков. Возможно, утром мне будет необходимо встретиться с вами.

Чувствовалось, что Николас О’Хара взвешивает каждое слово. Его речь была спокойной, размеренной. Сухая речь бюрократа, который хорошо умел скрывать свои чувства.

– Не могли бы вы прийти ко мне в офис?

– Как… как вас найти?

– Вы поедете на машине?

– Нет. У меня нет машины.

– Я пришлю ее за вами.

– Это же ошибка, не так ли? Я имею в виду… у вас ведь случаются ошибки, да?

Хоть какая-то надежда – вот и все, о чем просила Сара. Тонкая ниточка, за которую можно ухватиться. Уже этого было бы достаточно. О’Хара мог проявить хотя бы немного сочувствия по отношению к ней. Но он лишь сказал:

– До свидания, миссис Фонтейн. Я вызову вас в офис около одиннадцати.

– Подождите, пожалуйста! – воскликнула Сара. – Извините, я сейчас плохо соображаю. Ваше имя… напомните его, пожалуйста.

– Николас О’Хара.

– А где находится ваш офис?

– Не волнуйтесь. Вас доставит туда водитель. Доброй ночи.

– Мистер О’Хара!

Сара услышала короткие гудки. О’Хара уже повесил трубку. Она быстро нашла и набрала номер лондонского отеля. Один телефонный звонок, и все станет на свои места. «Пожалуйста, – молила Сара, ожидая, пока кто-нибудь снимет трубку, – пожалуйста, я хочу услышать твой голос…»

– Отель «Савой», – ответил женский голос на том конце провода.

У Сары так сильно тряслись руки, что она едва могла держать телефонную трубку.

– Здравствуйте, пожалуйста, соедините меня с номером мистера Фонтейна, – выпалила Сара.

– Сожалею, мэм, – ответила женщина, – но мистер Фонтейн покинул отель два дня назад.

– Покинул отель? – недоуменно переспросила Сара. – Но куда он поехал?

– Он не говорил. Однако, если вы хотите что-то передать ему, мы можем отправить ваше послание по адресу его постоянного места жительства…

В конце разговора Сара всегда говорила «до свидания». Сейчас она смотрела на телефон, как на пришельца из космоса, как на вещь, которую она никогда раньше не видела. Медленно Сара перевела взгляд на подушку Джеффри. Кровать королевского размера казалась огромной. Сара любила спать, свернувшись клубочком. Даже когда Джеффри не бывало дома и в ее распоряжении находилась вся кровать, Сара спала только на своем месте.

Возможно, Джеффри не вернется домой уже никогда.

Сара останется одна в слишком большой постели, в слишком тихой квартире. Волна боли вызвала у нее дрожь. Стало трудно дышать. Ей отчаянно хотелось разрыдаться, но слезы никак не желали течь. Сара в изнеможении легла на кровать, уткнувшись лицом в подушки. Они хранили запах Джеффри, запах его кожи, его волос, его смеха. Сара обняла одну из подушек и, свернувшись клубочком, легла посередине кровати, там, где обычно спал Джеффри. Простыни были холодными.

Возможно, Джеффри не вернется никогда. А ведь они были женаты всего два месяца.

Николас О’Хара выпил третью чашку кофе и ослабил галстук, который после двухнедельного отпуска, проведенного в одних плавках, казался ему удавкой. Он вернулся в Вашингтон всего три дня назад и уже чувствовал себя измотанным. Ник надеялся, что в отпуске ему удастся набраться сил, и именно поэтому выбрал Багамы. Он прекрасно провел две недели, лежа на солнце и абсолютно ничего не делая. Ему требовалось время, чтобы побыть одному, задать себе пару нелегких вопросов и сделать выводы.

Но в конце концов Ник пришел лишь к тому, что он несчастлив.

Ему надоел департамент, в котором он работал вот уже восемь лет. Ник ходил по кругу, словно овца без пастуха. Его карьерное развитие остановилось. Но не только по его вине. У Ника не хватало терпения для всех этих политических игр, ему они были просто неинтересны. Тем не менее Ник держался за свою работу, он верил, что она имеет большое значение. В молодости Ник участвовал в маршах мира, а теперь заседал на переговорах.

Он понял, что наличие идеалов приводит в никуда. В конце концов, дипломатия строилась вовсе не на них. Она, как и все остальное, заключалась в подписании протоколов и политическом курсе правящей партии. Но хотя Ник и оформлял эти протоколы, он не понимал этой политики. Не мог. Не хотел.

В этом отношении он был плохим дипломатом. Начальство, к несчастью для Ника, это осознало, и его сместили на этот ничтожный пост, где в обязанности входило сообщать женщинам о смерти их мужей. Такой перевод по службе стал для Ника настоящей пощечиной. Конечно, он бы мог отказаться. Он мог

вернуться к преподаванию в университете. Обо всем этом Ник и хотел поразмыслить. Да, те две недели на Багамах были ему необходимы.

Но сейчас придется снова заняться работой.

Ник вздохнул и щелкнул мышкой по файлу «Фонтейн, Джеффри Г.». Все утро Нику не давала покоя одна вещь. С часу ночи он сидел у компьютера, просматривая огромную базу правительственных файлов. В течение получаса он говорил по телефону со своим приятелем из консульства в Берлине, Уэсом Корриганом. В конце концов от безысходности Ник задействовал еще несколько источников. Телефонный звонок с соболезнованиями женщине, потерявшей мужа, открыл перед Ником мозаику, часть элементов которой отсутствовала.

Фактически, кроме подробных обстоятельств смерти Джеффри Фонтейна, не было известно почти ничего. Неразгаданные головоломки Нику не нравились. Они доводили его до белого каления. Когда дело касалось поиска информации или фактов, Нику не было равных. Но по Джеффри Фонтейну ему удалось отыскать очень мало. Нику казалось, будто он держит в руках воздух, ведь он не нашел ничего существенно важного, кроме самого имени.

И обстоятельств смерти.

У Ника болели глаза. Он откинулся на спинку стула и зевнул. Будучи двадцатилетним студентом, Ник любил бодрствовать по ночам. Но в тридцать восемь бессонные ночи лишь раздражали его. А еще страшно хотелось есть. В шесть утра Ник проглотил три пончика. Кофе с большим количеством сахара позволят его организму поработать еще некоторое время. Из природного любопытства Ник не мог бросить головоломку. Они всегда действовали на него подобным образом, и он приходил от этого в восторг.

Открылась дверь, и в кабинет вошел приятель Ника, Тим Гринстейн.

– Есть! Я нашел! – сообщил Тим.

Он положил на стол папку и одарил Ника широкой улыбкой, которой славился на весь отдел. В большинстве случаев эта улыбка возникала, когда Тим сидел перед монитором своего компьютера. Он работал программистом и часто устранял неполадки, если у кого-то возникали проблемы с базой данных. Из-за

перенесенной в детстве катаракты Тим носил очки с очень толстыми стеклами. Густая черная борода скрывала почти все его лицо, кроме бледного лба и носа.

– Я же говорил, что добуду его. – Тим плюхнулся в кожаное кресло напротив Ника. – Попросил приятеля из ФБР достать для меня одно дело. Он ничего не нашел, поэтому мне пришлось поискать самому. Должен сказать, пришлось нелегко. У них там какой-то новичок идиот, убежденный, что свою работу он должен выполнять сам.

– Тебе пришлось проносить бумаги через охранника? – нахмурился Ник.

– Да. На самом деле бумаг больше, но я не смог вынести все. Еще я узнал, что у главного детектива имеется досье на этого человека.

Ник открыл папку и замер с открытым ртом. То, что он прочитал, порождало еще больше вопросов, ответы на которые найти, похоже, не удастся.

– Какого черта? – пробормотал Ник. – Что это значит?

– Вот почему ты ничего не нашел о Джеффри Г. Фонтейне, – сказал Тим. – До прошлого года этого человека вообще не существовало.

– Ты можешь выяснить больше?

– Эй, Ник, я думаю, мы суем нос не в свое дело. Ребятам из ЦРУ это может не понравиться.

– Что ж, пусть подают на меня в суд.

Уж кого-кого, а ЦРУ Ник не боялся. Ему как-то приходилось иметь дело с его некомпетентными работниками.

– В любом случае я всего лишь делаю свою работу. – Ник пожал плечами. – Если ты помнишь, я имею дело с убитой горем вдовой.

– Но в деле с этим Фонтейном ты заходишь слишком далеко.

– Как и ты, Тим.

Гринстейн ухмыльнулся:

– В чем дело, Ник? Решил стать детективом?

– Нет. Мне просто любопытно.

Ник хмуро посмотрел на стопку бумаг у себя на столе. Бюрократический мусор, отравляющий его жизнь. С ним еще предстояло сегодня разобраться. Дело Фонтейна сбило Ника с толку. Ему бы следовало выразить несчастной вдове свои соболезнования, сказать что-то утешительное, а потом забыть обо всем. Джеффри Фонтейн, каким бы ни было его настоящее имя, уже мертв.

Но Тим лишь подогрел любопытство Ника.

– Послушай, – Ник взглянул на приятеля, – может, ты найдешь информацию о его жене, Саре Фонтейн? Эти сведения могли бы нас на что-то натолкнуть.

– Почему бы тебе самому этим не заняться?

– Потому что только ты один в состоянии разобраться с этой чертовой базой данных.

– Да, но у тебя есть возможность поговорить с ней лично. – Тим кивнул на дверь. – Я слышал, как секретарша записывает ее имя. Сара Фонтейн прямо сейчас сидит в твоей приемной.

За пишущей машинкой сидела секретарша, женщина средних лет, с яркими сине-зелеными глазами и твердой линией рта. Она записала имя Сары и пригласила ее сесть на диван. На кофейном столике рядом с ним лежала аккуратная стопка журналов о политике. Среди них было несколько номеров с пометкой «Николас О’Хара» на обложке.

Секретарша продолжила печатать на машинке, а Сара села среди моря диванных подушек, уставившись на свои руки, сложенные на коленях. Сара еще

не вылечилась и чувствовала себя не очень хорошо. Но за последние десять часов вокруг нее как будто образовался защитный слой, подобный скорлупе. Звуки и все окружающее казались очень далекими. Даже физическая боль не ощущалась так явно. Сегодня в ванной Сара ушибла ногу. Сам удар она ощутила, но почему-то ей было все равно.

Прошлой ночью после звонка боль накрыла Сару с головой. В настоящий момент она не чувствовала ничего. Только сейчас она заметила, как ужасно выглядит. Предметы ее одежды не сочеталась друг с другом. Но, несмотря на это, Сара чувствовала себя комфортно. Видимо, она автоматически выбрала любимую юбку из серой шерсти, старенький свитер и удобные коричневые ботинки. Новая жизнь пугала Сару, и она искала утешение в привычных для нее вещах.

На столе секретарши дал о себе знать селектор, потом Сара услышала мужской голос:

– Энджи? Пригласи ко мне миссис Фонтейн.

– Да, мистер О’Хара.

Энджи кивнула Саре:

– Вы можете заходить.

Сара надела очки, поднялась с дивана и открыла дверь с табличкой «Н. О’Хара». Ступив на мягкий ковер, Сара посмотрела на человека по другую сторону письменного стола.

Он стоял возле окна. Сквозь деревья светило ослепительно-яркое солнце. Сначала из-за обилия света Сара увидела лишь силуэт. Высокий стройный мужчина немного сутулился и выглядел усталым. Обойдя стол, Ник подошел к Саре. Его голубая рубашка была измята, невзрачный галстук ослаблен.

– Миссис Фонтейн, – обратился он к Саре, – я Ник О’Хара.

Сара тотчас же узнала его голос, который всего десять часов назад разрушил ее мир.

Ник протянул руку, как показалось Саре, машинально. Обычная формальность, знак того, что он готов помочь любой женщине, лишившейся мужа. Но рукопожатие было крепким. Ник повернулся так, что на его лицо упал солнечный свет. Сара отметила тонкие черты лица, заостренный подбородок, бледные губы. По ее оценке, Николасу было около сорока, возможно больше. Его волнистые темно-каштановые волосы тронула седина. Под серо-голубыми глазами залегли тени.

Ник жестом пригласил Сару сесть. Она устроилась в кресле и только тогда заметила, что в кабинете находится еще один человек. Мужчина в очках и с густой черной бородой тихо сидел в углу. Сара уже видела его в приемной.

– Приношу свои соболезнования, миссис Фонтейн, – сказал Ник, присев на край стола. – Я знаю, для вас это тяжелое потрясение. Большинство людей, когда мы звоним им, сначала не верят в случившееся. Я подумал, что будет лучше, если мы с вами встретимся лично. У меня к вам несколько вопросов. Думаю, они есть и у вас. Не возражаете, если мистер Гринстейн останется здесь? – Ник кивком указал на мужчину в углу.

Сара пожала плечами, мимоходом удивившись необходимости присутствия этого человека.

– Мы оба работаем на правительство, – продолжал Ник. – Я занимаюсь делами заграничной службы консульства. Мистер Гринстейн – из отдела технической поддержки.

– Понятно. – Сара плотнее закуталась в свитер. Ее снова начал бить озноб, к тому же болело горло.

«И почему в правительственных офисах так холодно?» – подумала Сара.

– С вами все в порядке, миссис Фонтейн? – спросил Ник.

Сара ответила ему печальным взглядом:

– У вас в офисе холодно.

– Хотите чашечку кофе?

– Нет, спасибо. Пожалуйста, расскажите, что вам известно о моем муже. Я все еще не верю, что он погиб, мистер О’Хара. Я думаю, произошла какая-то ошибка.

Ник кивнул и сочувственно посмотрел на Сару:

– Обычно все так и реагируют.

– Правда?

– Отрицание происходящего. Все через это проходят. Я понимаю, что вы сейчас чувствуете.

– Но ведь вы не каждую вдову приглашаете к себе в офис? Значит, случай с Джеффри какой-то особый.

– Да, – согласился Ник, – это так.

Ник взял со стола папку. Пролистав несколько страниц, он извлек из нее одну, испещренную пометками. Почерк был очень неразборчивым.

«Должно быть, записи сделал О’Хара, – подумала Сара. – Никто, кроме самого обладателя такого почерка, не разберет, что там написано».

– После того как я позвонил вам, миссис Фонтейн, – сказал Ник, – я связался с представителями нашего консульства в Берлине. Меня обеспокоило то, о чем вы прошлой ночью сообщили мне. И я решил все проверить. – Ник сделал паузу.

Сара выжидающе посмотрела на него и встретилась с усталым, встревоженным взглядом.

– Я говорил с Уэсом Корриганом, нашим консулом в Берлине. И вот что он мне рассказал. – Ник обратился к записям на листе. – Вчера около восьми вечера по берлинскому времени человек по имени Джеффри Фонтейн снял номер в отеле «Регина». Он расплатился дорожным чеком. Установлено, что подпись подлинная. В качестве средства, подтверждающего личность, Фонтейн

использовал свой паспорт. Примерно через четыре часа, около полуночи, в пожарную службу поступил звонок из этого отеля. В номере вашего мужа случился пожар. К моменту, когда пожарным удалось потушить огонь, комната уже была полностью уничтожена. По официальной версии, ваш муж заснул с непотушенной сигаретой в руке. Его тело обгорело до неузнаваемости.

– Тогда как они могут утверждать, что это он? – возмутилась Сара.

До этого момента она слушала Ника со все возрастающим отчаянием. Но последняя фраза породила надежду.

– Должно быть, кто-то украл у Джеффри паспорт, – предположила Сара.

– Миссис Фонтейн, я еще не закончил.

– Но вы только что сказали, что опознать тело невозможно.

– Давайте рассуждать логически.

– Я и так это делаю! – воскликнула Сара.

– Вы делаете выводы, основываясь на эмоциях, – возразил Ник. – Послушайте, нередко женщины, потерявшие мужа, пытаются ухватиться за подобную идею, как за соломинку, но…

– Еще неизвестно, потеряла я мужа или нет.

– Ну хорошо, хорошо. – Ник в отчаянии воздел руки к потолку. – Тогда взгляните на улики. Это серьезные улики. Во-первых, полиция обнаружила в номере его кейс. Он сделан из огнеупорного алюминия.

– У Джеффри никогда не было такого кейса.

– Содержимое кейса не пострадало от огня. Там был найден паспорт вашего мужа.

– Но…

– Во-вторых, заключение медэксперта. Патологоанатом в Берлине осмотрел тело… то, что от него осталось, и, хотя у него не было заключения стоматолога для сравнения с зубами покойного, он установил, что его рост такой же, как и у вашего мужа.

– Это ничего не доказывает.

– И наконец…

– Мистер О’Хара, – перебила его Сара.

– Наконец, – с нажимом произнес Ник, – есть еще одно доказательство, и его нашли прямо на теле вашего мужа. Простите меня, миссис Фонтейн, но, думаю, вас это убедит.

Саре тут же захотелось закрыть ладонями уши и закричать, чтобы О’Хара замолчал. До этого момента она находила силы противиться его логическим доводам, но больше не могла их выслушивать. Если он разобьет ее надежды, она этого не вынесет.

– Это обручальное кольцо. Надпись на нем не пострадала: «Сара. 14.02». – Ник оторвал взгляд от записей. – Это ведь дата вашей свадьбы, не так ли?

Из-за слез у Сары перед глазами все расплывалось. Она молча кивнула. Очки сползли с ее носа и упали на колени. Ничего не видя, Сара открыла сумочку в поисках платка, но Ник тут же протянул ей целую коробку бумажных салфеток.

– Берите сколько нужно, – мягко произнес он.

Ник смотрел, как Сара вытерла слезы и как можно деликатнее высморкалась. Под его пристальным взглядом она чувствовала себя неуклюжей дурой. Пальцы перестали ее слушаться. Очки свалились с коленей на пол. Сумочка никак не закрывалась. В отчаянии Сара нащупала на полу очки и поднялась с кресла, собравшись уйти.

– Миссис Фонтейн, пожалуйста, присядьте, – попросил Ник, – я еще не закончил.

Сара, словно послушный ребенок, снова опустилась в кресло и уставилась в пол.

– Если вы хотите поговорить насчет похорон…

– Нет, вы можете сделать это позже, после того, как тело перевезут в Штаты. Мне нужно вас кое о чем спросить. Это насчет командировки вашего мужа. Зачем он ездил в Европу?

– По делам.

– Каким именно?

– Он был… представителем Лондонского банка.

– Так он часто отправлялся в командировки?

– Да. Примерно раз в месяц он улетал в Лондон.

– Только в Лондон?

– Да.

– Миссис Фонтейн, а почему ваш муж был в Германии?

– Я не знаю.

– Но вы наверняка имеете представление.

– Я не знаю.

– А раньше бывали случаи, когда ваш муж не говорил, куда едет?

– Нет.

– Тогда почему он оказался в Германии? Должна же быть причина. Может, другой бизнес? Другая…

Сара резко подняла голову и посмотрела на Ника:

– Другая женщина? Вы об этом хотите спросить?

Ник не ответил.

– Об этом?!

– Это вполне обоснованное подозрение.

– Только не в отношении Джеффри!

– В отношении любого человека. – Ник заглянул Саре прямо в глаза.

Она не стала отводить взгляд.

– Вы были женаты два месяца, – сказал Ник. – Насколько хорошо вы знали мужа?

– Знала? Я любила его, мистер О’Хара.

– Я говорю не о любви, что бы вы ни подразумевали под этим словом. Я спросил вас, насколько хорошо вы знали вашего мужа как личность. Кем он был, чем занимался. Когда вы его встретили?

– Это было… примерно полгода назад. Я встретила его в кафе рядом с местом своей работы.

– Где вы работаете?

– В Национальном институте здравоохранения. Я исследователь-микробиолог.

Ник нахмурился:

– Какими конкретно исследованиями вы занимаетесь?

– Бактериальные геномы… Мы сращиваем ДНК… А почему вы спрашиваете?

– Это секретные исследования?

– Но я не понимаю почему…

– Эти исследования секретные, миссис Фонтейн?

Резкость, которая появилась в голосе Ника, привела Сару в ступор. Некоторое время она молча смотрела на него, а потом тихо ответила:

– Да. Некоторые исследования секретные.

Ник кивнул и извлек из папки еще один лист.

– Я попросил мистера Корригана проверить паспорт вашего мужа, – спокойно продолжил Ник. – При посадке самолета на территории другой страны в паспорте ставят печать, указывая дату прибытия. В паспорте вашего мужа было несколько печатей. Лондон. Схипхол, аэропорт в Амстердаме. И наконец, Берлин. Все указанные в паспорте даты относятся к прошлой неделе. У вас есть какие-то предположения, почему ваш муж посетил именно эти города?

Сара в недоумении помотала головой.

– Когда он последний раз звонил вам?

– Неделю назад. Он звонил из Лондона.

– Вы уверены, что из Лондона?

– Нет. Нас соединили напрямую, поэтому я не слышала слов оператора.

– У вашего мужа имелась страховка?

– Нет. В смысле, мне про это ничего не известно. Он никогда не упоминал об этом.

– Кому-нибудь выгодна смерть вашего мужа? Я имею в виду в финансовом плане.

– Не думаю.

Ник снова нахмурился. Он скрестил руки на груди и некоторое время задумчиво смотрел в сторону. Сара поняла, что Ник перебирает в голове детали расследования, пытаясь отыскать недостающие кусочки пазла. Она сама пребывала в таком же недоумении, как и Ник. Кусочки мозаики никак не сходились, и Сара начала задумываться о том, что, возможно, Ник О’Хара прав. Она никогда по-настоящему не знала мужа. Они делили одну кровать, жили в одной квартире, но духовно никогда не были близки.

Нет, это неправда. Думать так – значит предать память о Джеффри. Сара в него верила. Почему она должна слушать этого чужого ей человека? И почему он рассказывает ей все это? Возможно, он преследует какую-то свою цель? Сара почувствовала резкую неприязнь к Нику О’Харе. Он забрасывал ее вопросами по какой-то личной причине.

– Если это все… – произнесла Сара, поднимаясь со своего места.

Ник вздрогнул и обратил к ней взгляд. Похоже, он успел забыть о ее присутствии.

– Нет, еще не все.

– Я не очень хорошо себя чувствую и хочу домой.

– У вас есть фотография вашего мужа? – неожиданно спросил Ник.

Застигнутая врасплох этой внезапной просьбой, Сара открыла сумочку и достала из кошелька фотокарточку. Она была сделана во Флориде во время их трехдневного медового месяца. Джеффри очень хорошо вышел на этом снимке. Золотистые волосы, приятные черты лица, взгляд ярко-голубых глаз устремлен прямо в объектив камеры. Джеффри улыбался. Его лицо привлекло Сару с

самого начала. И причиной тому была не его красота, а сила и ум, которые отражались в его глазах.

Ник О’Хара взял фотографию и молча принялся изучать ее.

«Он полная противоположность Джеффри, – подумала Сара, наблюдая за Ником. – У Джеффри волосы золотистые, а у него – темные, Джеффри часто улыбался, а у него всегда серьезное лицо».

Над Ником словно висело грозовое облако, облако несчастья. Саре стало интересно, о чем он думает, глядя на фотографию Джеффри. На его лице плохо отражались эмоции, и, кроме выражения усталости, Сара ничего рассмотреть не смогла. Его непроницаемо-серые глаза тоже оставались бесстрастными. Ник показал фото мистеру Гринстейну, потом вернул его Саре. Та закрыла свою сумочку и взглянула на Ника.

– Почему вы задаете все эти вопросы? – спросила она.

– Я должен. Простите, но это действительно необходимо.

– Для кого? – бросила Сара. – Для вас?

– И для вас. Возможно, даже для Джеффри.

– Я не понимаю.

– Поймете, когда услышите отчет полиции Берлина.

– Он освещает еще какие-то детали?

– Да, в нем описаны обстоятельства смерти вашего мужа.

– Вы же говорили, что это был несчастный случай.

– Я сказал, это выглядело как несчастный случай. – Ник внимательно смотрел на Сару, словно боялся пропустить малейшую перемену в ее лице, малейшее

движение. – Несколько часов назад, когда я говорил с мистером Корриганом, он сообщил мне о ходе расследования. Во время осмотра номера после пожара в остатках матраса была найдена пуля.

– Пуля? – изумленно переспросила Сара. – Так, значит…

Ник кивнул:

– Они думают, это было убийство.

Глава 2

Не в силах пошевелиться, не в силах делать вообще что-нибудь, Сара сидела в кресле будто фигура, высеченная изо льда.

– Я подумал, будет лучше, если вы об этом узнаете, – пояснил Ник. – Так или иначе, я должен был вам это рассказать. Потому что теперь нам нужна ваша помощь. Полиции Берлина нужна информация о вашем муже, его деятельности, недоброжелателях… за что его могли убить.

Сара испуганно замотала головой.

– Я не могу… Вернее, я просто не знаю… Боже мой, – прошептала она.

Мягкое прикосновение руки Ника к ее плечу заставило Сару вздрогнуть. Она подняла голову и посмотрела на Ника. В его глазах читалось беспокойство.

«Он боится, что я упаду в обморок, – подумала Сара. – Он боится, что меня стошнит на его красивый ковер и нам обоим станет неудобно друг перед другом».

Сара раздраженно убрала руку Ника со своего плеча. Она не нуждается в его наигранном сочувствии. Ей хотелось остаться одной… вдали от этих безликих бюрократов с их папками. Сара встала и покачнулась. Нет, она не станет падать

в обморок в кабинете этого человека.

Но Ник взял ее за локоть и мягко усадил обратно в кресло.

– Пожалуйста, миссис Фонтейн. Еще одну минуту. Это все, что мне нужно.

– Отпустите меня.

– Миссис Фонтейн…

– Отпустите меня!

Резкость ее голоса, казалось, привела Ника в ступор. Он отпустил руку Сары, но от кресла так и не отошел. Сара почувствовала едва уловимый аромат его лосьона, скользнула взглядом по ременной бляшке, измятым рукавам рубашки.

– Извините, – произнес Ник. – Я не хотел оказывать на вас давление, просто я был немного обеспокоен тем, что… что…

– Чем? – Сара заглянула в его серые глаза. И то, что она в них увидела – твердость, сила, – вызвало у нее желание пересмотреть свое мнение об этом человеке и довериться ему. – Я не собираюсь падать в обморок, если вы об этом беспокоились, – сказала Сара. – А сейчас я хочу пойти домой. Пожалуйста.

– Да, конечно. Еще пара вопросов, и все.

– У меня нет на них ответов. Понимаете?

Ник помолчал, потом продолжил:

– Тогда я свяжусь с вами позже. Нам еще нужно обсудить перевозку тела.

– Ах да. Тело. – Сара поднялась с кресла, пытаясь сморгнуть выступившие слезы.

– Я попрошу нашего водителя довезти вас до дома, миссис Фонтейн. – Ник медленно, словно боясь спугнуть, приблизился к Саре. – Я сожалею о вашем

муже. Правда. Если у вас появятся какие-нибудь вопросы ко мне, не стесняйтесь, звоните.

Сара знала, что Ник говорит неискренне, что на самом деле в его словах нет ни грамма сочувствия. Потому что Николас О’Хара – дипломат. Он говорит то, чему его научили. Какая бы трагедия ни случилась, всегда найдется парочка нужных фраз. Возможно, те же слова Ник говорил еще сотне вдов.

Ник ждал, когда Сара что-нибудь ответит. И она сделала то, что делают все вдовы. Взяла себя в руки. Сара пожала Нику руку и, поблагодарив его, вышла из кабинета.

– Думаешь, она знает? – спросил Тим Гринстейн.

Ник все еще смотрел на дверь, через которую только что вышла Сара Фонтейн.

– Знает что? – Ник повернулся к Тиму.

– Что ее муж был секретным агентом.

– Черт, этого даже мы не знаем.

– Ник, дружище, все это дельце попахивает шпионажем. Год назад Джеффри Фонтейна вообще не существовало. Потом его имя появляется в свидетельстве о браке, у него уже имеется номер социального обеспечения[1 - Номер социального обеспечения – уникальный девятизначный номер, присваиваемый гражданам и резидентам США. (Здесь и далее примеч. пер.)], паспорт и все остальное. На первый взгляд кажется, что в ФБР этого просто не заметили. Но при этом у них есть досье на этого парня с пометкой «совершенно секретно»! Или я что-то не понимаю?

– Возможно, это я что-то не понимаю, – проворчал Ник, плюхнувшись в свое кресло, и покосился на личное дело Фонтейна. Конечно, Тим прав. Дельце попахивает какой-то махинацией. Шпионаж? Международное преступление? Бывший свидетель из правительства, который боится огласки?

Кем же был Джеффри Фонтейн?

Ник опустился пониже и откинул голову на спинку кресла. Черт, как же он устал. Но у него из головы не шел этот Джеффри Фонтейн. Или Сара Фонтейн, если на то пошло.

Когда она вошла в его кабинет, Ник удивился. Он ожидал увидеть утонченную, изысканную женщину. Ее муж объездил полмира, он летал в Лондон, Берлин и Амстердам. Ник предполагал, что жена такого человека будет разряжена в пух и прах. Но в его кабинет вошло это худощавое неуклюжее создание, довольно милое, но не настолько, чтобы называться красивым. В чертах лица Сары Фонтейн было слишком много углов: высокие, острые скулы, узкий нос, квадратный лоб. И только длинные рыжевато-каштановые волосы были красивыми, даже завязанными в хвост. Очки в роговой оправе позабавили Ника. За ними прятались большие глаза янтарного цвета – пожалуй, самая красивая черта Сары Фонтейн. Ей было около тридцати лет, но из-за нежной бледной кожи она выглядела намного моложе.

Нет, она вовсе не была красивой. Но во время их беседы Ник то и дело замечал, что рассматривает ее лицо, думает о ее замужестве. И о ней самой.

– Эй, от всей этой тоски мне есть захотелось. – Тим поднялся с кресла. – Пойдем в столовую.

– Только не туда. Давай выйдем из здания. Я сижу здесь все утро, как в тюрьме, и скоро свихнусь.

Ник надел пиджак, и вместе с Тимом они миновали приемную, где сидела за столом Энджи, и вышли на лестницу.

Свежий весенний ветер дул им в лицо. На вишневых деревьях только-только начали набухать почки. Через несколько недель город будет утопать в розовых и белых цветах. Для Ника это была первая за восемь лет весна в Вашингтоне. Он уже и забыл, как это здорово – гулять среди деревьев. Ник засунул руки в карманы и слегка ссутулился. Шерстяной пиджак не спасал от холодного ветра.

Ник задумался, добралась ли до дома Сара Фонтейн. Наверное, сейчас она лежит на кровати и рыдает. Он вел себя с ней довольно грубо. Нику стоило

немалых трудов говорить Саре все эти вещи, но кто-то ведь должен был заставить ее поверить в происходящее. Она должна была наконец осознать, что потеряла мужа. Только так можно справиться со своим горем.

– Куда пойдем, Ник? – спросил Тим.

– Как насчет «Мэри Джо»?

– Там же только салаты. Ты что, решил сесть на диету?

– Нет. Зато там спокойно. Не хочу перекрикивать остальных посетителей.

Пройдя еще два квартала, Ник и Тим завернули в ресторан и сели за столик. Минут через пятнадцать официантка принесла салаты с эстрагоном, заправленные домашним майонезом.

– Это еда для кроликов, – вздохнул Тим, глядя на листья салата и капусты на своей вилке. – Я бы предпочел жирный гамбургер. – Тим прожевал салат и посмотрел на Ника. – Так что тебя так доконало? – спросил он. – Это из-за твоего перевода на эту должность?

– Понимаешь, для меня это плевок в душу, – ответил Ник. Он осушил чашку кофе и попросил официантку принести еще одну. – Я был вторым по важности человеком в Лондоне, а потом меня отправили в Вашингтон перебирать бумажки.

– Так почему ты не уволился?

– Надо было так и сделать. После той неудачи в Лондоне моя карьера сильно пострадала. В итоге мне теперь приходится мириться с этим ублюдком Эмброузом.

– Он еще не вернулся в город?

– Он будет в отъезде еще неделю. До тех пор я смогу спокойно работать без всей этой бюрократии. Черт, если он снова перепишет хоть один из моих отчетов, «чтобы он соответствовал министерским нормативам», я не знаю, что

сделаю.

Ник отложил вилку и с хмурым видом уставился на салат. При воспоминании о начальнике у него пропал аппетит. Ник и Эмброуз невзлюбили друг друга с самого первого дня знакомства. Чарлз Эмброуз получал удовольствие от всей этой бумажной канители, в то время как Ник предпочитал поскорее переходить к делу, каким бы неприятным оно ни было. Поэтому столкновения между ними были неизбежны.

– Твоя проблема, Ник, состоит в том, что ты хоть и умник, а не умеешь витиевато излагать свои мысли, как твои коллеги. Ты приводишь их в замешательство. Им не нравится, когда кто-то изъясняется понятно. Плюс к этому ты еще и либерал с добрым сердцем.

– Ну и что? Ты тоже.

– Но я еще и дипломированный ботаник. Для ботаников они делают исключение, иначе компьютеры работать не будут.

Внезапно ощутив прилив радости от присутствия своего давнего приятеля Тима, Ник рассмеялся. За четыре года жизни в одной комнате во время учебы в колледже они сильно привязались друг к другу. Даже спустя восемь лет, когда Ник снова вернулся в Вашингтон, бородатый друг оказал ему теплый прием.

Ник взял вилку и доел салат.

– Так что ты решил делать с делом этого Фонтейна? – спросил Тим, приступая к десерту.

– Я намерен делать свою работу, то есть расследовать его.

– Ты расскажешь Эмброузу? Он захочет услышать об этом. Так же как и ребята из ЦРУ, если им еще ничего не известно.

– Пускай сами разбираются. Это мое дело.

– По-моему, дело связано со шпионажем. Вообще-то консульство такими делами не занимается.

Тим был прав. Но идея передачи Сары Фонтейн какому-то офицеру ЦРУ Нику не нравилась. Она была такой хрупкой, такой ранимой.

– Это мое дело, – повторил Ник.

– Ах, вдова Фонтейн! – усмехнулся Тим. – Кто бы мог подумать, что она в твоем вкусе. Лично я не нашел ее привлекательной. И не понимаю, как она могла окольцевать того парня, этого белокурого Адониса. Такие, как он, обычно не женятся на женщинах с очками в роговой оправе. Из чего можно сделать вывод, что он это сделал по особым причинам.

– Особым? Ты имеешь в виду любовь?

– Нет. Я имею в виду секс.

– Да что бы ты понимал!

– Хм. Обиделся? Она тебе понравилась, да?

– Без комментариев.

– Сдается мне, после развода твоя личная жизнь была довольно скучной.

Ник со стуком поставил чашку на стол.

– С чего это ты заговорил об этом?

– Просто стараюсь понять, что ты собираешься делать. Разве ты не знал? Для мужчины откровенничать с другом – это самая последняя стадия.

– Не надо мне ничего говорить, – вздохнул Ник. – Ты ходил на тренинг развития восприимчивости.

– Да. Отличное место, чтобы встретить женщину. Тебе нужно попробовать.

– Нет уж, спасибо. Последнее, что мне нужно, – это компания женщин, страдающих неврозом.

Тим посмотрел на Ника с сочувствием:

– Послушай меня, Ник. Необходимо что-то делать. Ты не можешь оставаться холостяком всю оставшуюся жизнь.

– Почему бы и нет?

– Черт побери! – рассмеялся Тим. – Мы же оба знаем, что ты далеко не праведник!

Он был прав. Все четыре года после развода с Лорен Ник избегал близких отношений с женщинами. И у этого имелись свои побочные эффекты. Ник стал раздражительным. Все свое время он посвятил спасению карьеры, но скоро понял, что работа – плохой заменитель того, чего он на самом деле хотел: теплое женское тело, которое можно обнять, смех в темноте ночи, разговоры в постели. Но Ник научился жить без этих вещей, чтобы избежать очередного разочарования. Ведь это единственный способ остаться в здравом уме. Однако не так-то просто искоренить то, что заложено самой природой. Нет, Ник вовсе не был праведником.

– Лорен давала о себе знать? – спросил Тим.

– Да. – Ник нахмурился. – Месяц назад. Сказала, что скучает по мне. А я думаю, на самом деле она скучает по всей этой посольской кутерьме.

– Так, значит, она звонила тебе. Звучит многообещающе. Похоже на примирение.

– Да? По-моему, это больше похоже на то, что ее новый роман протекает не очень гладко.

– В любом случае очевидно, что она жалеет о разводе. Ты рад, что она позвонила?

Ник отодвинул от себя тарелку с остатками шоколадного мусса.

– Нет.

– Почему?

– Просто не рад.

– Он просто не рад! – Тим рассмеялся. – Четыре года страданий и нытья по Лорен, а теперь он не рад!

– Слушай, каждый раз, когда у нее что-то не так, она звонит глупому доброму Нику. Я больше не намерен это терпеть. Я попросил Лорен больше мне не звонить. Я хочу, чтобы она оставила меня в покое. Она и все остальные.

Тим покачал головой:

– Ты отказываешься от женщин. Это очень плохой знак.

– Никто еще от этого не умирал, – проворчал Ник.

Он положил на стол несколько купюр и поднялся. Ник не хотел думать о женщинах. В конце концов, у него есть куча других вещей, над которыми нужно поразмыслить. А еще Ник не хотел ввязываться в очередной роман, который обязательно закончится катастрофой.

Однако, когда они с Тимом возвращались по той же дороге среди вишневых деревьев, Ник поймал себя на том, что думает о Саре Фонтейн. И не как о безутешной вдове, а как о женщине. Ее имя очень подходило ей. Сара с глазами цвета янтаря.

Ник тут же отогнал эти мысли. Из всех женщин Вашингтона она последняя, о ком он должен думать. Главным правилом хорошей работы Ник считал объективность. Чего бы ни касалось задание – выдачи виз или оспаривания заключения под стражу гражданина США, – иметь личный интерес – значит совершить ошибку. Нет, для него Сара Фонтейн – это всего лишь еще одно имя в

документе.

И должно им остаться.

Амстердам

Старик любил розы. Ему нравился тяжеловатый запах розовых лепестков, которые он срывал и растирал между пальцами. Такие прохладные, такие ароматные, не то что те тюльпаны, которые вырастил его садовник на берегу пруда для уток. Тюльпаны обладают ярким цветом, но не характером. Они вырастают, цветут, а потом умирают. Другое дело розы! Даже зимой, подобно сжавшейся от холода пожилой даме, колючие, без листьев, они упрямо продолжают жить.

Старик остановился среди розовых кустов и глубоко вдохнул воздух, наслаждаясь запахом влажной земли. Через несколько недель розы зацветут. Как этот сад понравился бы его жене! Старик представил ее рядом с собой, как она смотрит на розы и улыбается. Она надела бы свою соломенную шляпу и домашнее платье с четырьмя карманами, а в руке держала бы ведро.

– Это моя униформа, – как-то сказала она. – А я – солдат, который сражается с улитками и жуками.

Старик вспомнил, как гремели садовые ножницы в ведре, когда его жена спускалась по лестнице их бывшего дома. Дома, который он оставил в прошлом.

«Нинке, моя дорогая Нинке, – подумал старик, – как же я по тебе скучаю».

– Сегодня холодно, – сказал кто-то на голландском.

Старик повернулся и увидел молодого человека со светлыми волосами, который шел к нему через розовые кусты.

– Кронен, – обрадовался старик, – ну наконец-то.

– Прошу прощения, менеер[2 - Менеер – голландское уважительное обращение к мужчине, аналог слова «господин».]. – Кронен снял солнцезащитные очки и посмотрел на небо. – Я пришел на день позже, но от меня ничего не зависело.

Как обычно, Кронен избегал смотреть старику в лицо. После той аварии на его лицо все старались не смотреть, и это очень раздражало старика. Уже пять лет никто не смотрел ему прямо в глаза, уже пять лет люди не могли взглянуть на его лицо без содрогания. Даже Кронен, которого старик считал чуть ли не сыном, обычно отводил глаза в сторону. Молодые люди поколения Кронена слишком носятся с соблюдением приличий.

– Значит, в Басре все было хорошо? – спросил старик.

– Да. Я уже поговорил с поставщиком.

Они прошли по тропинке от розовых кустов до пруда. Из-за холодного воздуха у старика разболелось горло и вырвался сиплый сухой кашель. Он поплотнее закутался в шарф.

– У меня для тебя новое задание, – сказал он. – Касательно одной женщины.

Кронен остановился, в его глазах появился интерес. На солнце его волосы казались почти белыми.

– Кто она?

– Ее имя Сара Фонтейн. Это жена Джеффри Фонтейна. Посмотрим, куда она тебя приведет.

– Я не понимаю, сэр, – нахмурился Кронен. – Мне сказали, Фонтейн мертв.

– Как бы то ни было, проследи за ней. Согласно американскому источнику, у нее скромная квартирка в Джорджтауне. Ей тридцать два года, работает микробиологом. Скорее всего, она никак не связана с разведкой, но точно сказать нельзя.

– Могу я связаться с нашим источником?

– Нет. Его положение слишком… деликатное.

Кронен кивнул, тут же отказавшись от своей идеи. Он достаточно долго работал со стариком и знал, как проворачиваются подобные дела. У каждого своя территория, свое место. Никогда не пытайся нарушить границы. Даже Кронен, хотя старик ему и доверял, знал не обо всем. Все знал только старик.

Они шли по берегу пруда. Старик достал из кармана пальто хлеб, который принес из дома. Он бросил пригоршню крошек в воду и стал наблюдать, как они набухают. В камышах заплескались утки. Когда Нинке была жива, она каждое утро отправлялась в парк, чтобы скормить уткам свой тост, оставшийся от завтрака. Ее беспокоило, что тем птицам, кто слабее, трудно добывать себе пищу.

– Гляди, Франс! – говорила она. – Они стали такими толстыми! Не зря я кормила их тостами!

И вот теперь он здесь, кормит уток, до которых ему нет никакого дела. У него есть только воспоминание о том, что Нинке их любила. Старик бережно сложил обертку от хлеба и сунул в карман. У него возникла мысль о том, как это грустно и жалко – хранить старую обертку. Для чего?

Поверхность пруда стала мрачно-серой.

«Куда делось солнце?» – подумал старик и, не глядя на Кронена, произнес:

– Мне нужна информация об этой женщине. Отправляйся скорее.

– Конечно.

– Будь осторожен в Вашингтоне. Я так понимаю, там сильно возросла преступность.

Кронен рассмеялся и, уходя, сказал:

– До свидания, менеер.

– До скорого, – кивнул старик.

В лаборатории, где работала Сара, было безупречно чисто. Микроскопы блестели, рабочие столы и раковины постоянно дезинфицировали, инкубационные камеры протирали два раза в день. Работа Сары включала строгий контроль дезинфекции. Она любила чистоту. Но когда Сара села за стол и принялась перебирать стопку предметных стекол для микроскопа, ей в голову пришла мысль, что стерильность этого помещения каким-то образом распространилась и на всю ее жизнь.

Сара сняла очки и закрыла уставшие глаза. Куда ни посмотри, везде сияющая чистота. Лампы светили слишком ярко. В лаборатории не было окон, поэтому солнечный свет сюда не проникал. Сара не могла бы определить, что там снаружи, полдень или полночь. И еще тишину лаборатории не нарушало ничего, кроме шума холодильных камер.

Сара снова надела очки и положила предметные стекла в коробку. Из вестибюля послышался стук каблуков. Открылась дверь.

– Сара? Что ты здесь делаешь?

Сара повернулась к своей подруге, Эбби Хикс.

В своем лабораторном халате пятьдесят четвертого размера Эбби почти полностью закрыла собой дверной проем.

– Я всего лишь наверстываю упущенное, – ответила Сара. – Столько работы накопилось, пока меня не было…

– О, Сара, ради бога! За пару недель в лаборатории справятся и без тебя. Уже восемь часов. Я проверю культуры клеток. Иди домой.

Сара закрыла коробку с предметными стеклами.

– Не уверена, что хочу возвращаться домой, – прошептала она. – Там слишком тихо. Пожалуй, я бы лучше осталась здесь.

– Да разве тут лучше? Тихо, как в моги… – Эбби закусила губу и покраснела. Даже в свои пятьдесят пять Эбби порой краснела, как школьница. – Неудачное сравнение, – пробормотала она.

– Все нормально, – улыбнулась Сара.

Какое-то время женщины молчали. Сара поставила в инкубационную камеру емкость с образцами, над которыми она работала, и почувствовала отвратительный запах агар-агара из чашек Петри.

– Как ты, Сара? – мягко спросила Эбби.

Сара закрыла инкубационную камеру и со вздохом повернулась к подруге:

– Вроде начинаю приходить в себя.

– Мы все по тебе скучали. Даже старик Граб сказал, что ему не хватает тебя и твоих чертовых бутылок с дезинфицирующим средством. Я думаю, все просто побоялись звонить тебе. Никто не знает, каково это. Но мы все беспокоились о тебе, Сара.

Сара посмотрела на Эбби с благодарностью и кивнула:

– Эбби, я знаю, что ты волнуешься. И я очень ценю все, что ты для меня сделала. Все эти открытки с соболезнованиями и цветы. Теперь мне снова нужно вернуться к обычной жизни. – Сара окинула комнату грустным взглядом. – Я подумала, что возвращение на работу мне в этом поможет.

– Кому-то нужно вернуться в русло своей жизни, а кому-то, наоборот, побыть подальше от всего.

– Может, и мне попробовать? Скажем, уехать из Вашингтона на время. От всего того, что напоминает мне о нем… – Сара проглотила ставшую уже привычной боль в горле и попыталась улыбнуться. – Моя сестра из Орегона пригласила меня в гости. А я уже несколько лет не видела племянника и племянницу. Наверное, они уже такие большие.

– Так поезжай! Сара, еще даже двух недель не прошло! Тебе необходимо какое-то время. Повидайся с сестрой. Поплачь немного.

– Я плакала столько дней, сидя дома и пытаясь понять, как мне с этим справиться. Я до сих пор не могу смотреть на его вещи, которые висят в шкафу. И мне так больно не только от его потери. Все остальное…

– Ты про эти вещи, связанные с Берлином?

Сара кивнула:

– Я сойду с ума, если буду и дальше обо всем этом думать. Поэтому я сегодня и пришла сюда, чтобы немного отвлечься. Я подумала, что самое время вернуться на работу. – Сара перевела взгляд на стопку книг рядом с ее микроскопом. – Но вот что странно, Эбби. Раньше мне нравилось в нашей лаборатории. А теперь я удивляюсь, как я могла работать здесь целых шесть лет. Эти холодные камеры, стальные раковины… Все такое закрытое. Кажется, даже дышать здесь трудно.

– Здесь дело не только в лаборатории, Сара. Тебе ведь всегда нравилась твоя работа. Ты даже напеваешь, когда что-то делаешь.

– Я не могу представить, что буду работать здесь всю жизнь. Мы с Джеффри так мало времени проводили вместе! Три дня медового месяца! И все! А потом мне пришлось срочно заканчивать выполнение этого чертова гранта. Мы всегда были так заняты, работали без выходных. И теперь у нас уже не будет другого шанса.

Вздохнув, Сара подошла к своему столу и выключила лампу.

– И я никогда не узнаю, почему он… – добавила Сара и, так и не закончив фразу, села на стул.

– Из департамента еще звонили?

– Да, вчера. Полиция Берлина наконец дала разрешение на вывоз… тела. Его привезут завтра. – Глаза Сары тут же подернулись слезами. – В пятницу состоится поминальная служба. Ты ведь придешь?

– Конечно приду. Мы все придем. Я тебя подвезу, хорошо? – Эбби подошла к Саре и положила руку ей на плечо. – Сара, прошло еще совсем мало времени. У тебя есть полное право плакать.

– Эбби, в его смерти столько всего непонятного мне. Тот человек из департамента… он задал мне столько вопросов, и ни на один из них у меня не было ответа! Я понимаю, это всего лишь его работа, но он подкинул мне столько… возможных вариантов, и теперь меня это беспокоит. Я начала сомневаться в Джеффри. Все больше и больше.

– Сара, вы ведь были женаты совсем недолго. Знаешь, мы с моим мужем были вместе тридцать лет, а потом развелись. И все это время мне и в голову не приходило подозревать этого болвана. Ничего удивительного в том, что ты не все знала о Джеффри.

– Но он же был моим мужем!

Эбби немного помолчала, а потом с некоторым колебанием сказала:

– Вообще-то, Сара, в нем было что-то такое… Ну, мне казалось, его невозможно узнать до конца.

– Он был очень застенчивым, Эбби.

– Нет, дело не в застенчивости. Это было так, словно… словно он не хотел, чтобы его узнали. Как будто… – Эбби взглянула на Сару. – Нет, не важно.

Но Сара уже обдумывала сказанное Эбби. В ее наблюдениях была доля истины. Джеффри был замкнутым, не расположенным к длинным и откровенным разговорам. Он никогда не рассказывал о себе много. Казалось, Джеффри всегда был больше заинтересован в ней, в ее работе, ее друзьях. Когда они только познакомились, Саре льстило такое внимание с его стороны. Из всех мужчин, которых она знала, Джеффри был единственным, кто действительно умел выслушать.

Потом, неизвестно по какой причине, перед глазами Сары возникло другое лицо. Ник О’Хара. Да, так его зовут. Она вдруг ярко вспомнила, как он изучал ее лицо,

как его серые глаза следили за ее эмоциями. Да, он тоже слушал. Но ведь это его работа. Интересно, а его работа включает в себя обязанность изводить овдовевших женщин? Сара больше не хотела думать о нем. Она бы предпочла больше никогда его не видеть.

Сара надела на микроскоп пластиковый чехол. Может, взять тетрадь с данными своих исследований домой? Когда Сара посмотрела на открытую страницу, ей в голову пришла мысль, что столбик записей символизирует ее образ жизни. Все аккуратно, четко и точно посередине печатной ячейки.

Сара закрыла тетрадь и поставила ее обратно на полку.

– Я, наверное, пойду домой, – сказала она.

– Хорошо, – кивнула Эбби. – Нет смысла запирать себя здесь. Забудь на некоторое время о работе.

– У тебя будет больше работы. Справишься?

– Конечно.

Сара сняла белый халат и повесила его возле двери. Как и все в лаборатории, он казался слишком опрятным, слишком чистым.

– Возможно, после похорон я возьму отпуск. На неделю. Может, на месяц.

– Но не пропадай надолго. Мы все ждем тебя.

Сара еще раз окинула взглядом лабораторию, чтобы удостовериться, все ли она поставила на место. Да, все.

– Я вернусь, – пообещала Сара. – Только не знаю когда.

Гроб соскользнул с трапа и с глухим стуком упал на платформу. Ник вздрогнул. Он несколько лет имел дело с высылкой тел из страны, но так и не привык к

трупам. Но как и многие работники консульства, он нашел свой способ справляться с этим кошмаром. Сегодня вечером он сначала будет долго гулять, потом пойдет домой и пропустит стаканчик-другой, сядет в свое старое кожаное кресло, включит радио и станет читать газету. Выяснится, что произошло множество землетрясений, авиа- и автокатастроф, крушений поездов и террористических актов. На фоне этого смерть всего лишь одного человека покажется совсем незначительной. Почти.

– Мистер О’Хара? Поставьте вот здесь свою подпись, пожалуйста.

Мужчина в униформе авиакомпании протянул Нику планшет с документами. Ник быстро просмотрел бумаги и сразу же заметил имя покойного: «Джеффри Фонтейн». Поставив свою подпись, Ник возвратил документ. Он повернулся и стал наблюдать, как гроб загружают в катафалк. Ник не хотел думать о его содержимом, но вдруг перед его глазами всплыла фотография, которую он видел в одном журнале: деревенские жители Вьетнама после бомбежки. Они все сгорели заживо. В гробу лежало нечто подобное? Тело, обгоревшее до неузнаваемости?

Ник отогнал от себя этот образ. Черт, ему срочно нужно выпить. Пора домой. Катафалк с гробом уехал в морг. Оттуда тело заберет Сара Фонтейн. Может, позвонить ей еще раз? Хотя зачем? Опять выразить соболезнования? Он уже выполнил свою работу. А она оплатила счет. Больше им разговаривать не о чем.

К тому времени, как Ник добрался до своей квартиры, все мрачные мысли уже покинули его. Ник бросил портфель на диван и отправился прямиком на кухню. Там он налил себе приличную порцию виски и поставил еду разогреваться в микроволновке. Опершись о кухонный стол, Ник отпил виски. Зашумел холодильник, микроволновка дала сигнал окончания подогрева пищи. Ник хотел включить радио, но ему было лень сдвинуться с места. Итак, еще один день в роли государственного служащего окончен. А ведь сегодня только вторник.

Сколько прошло с тех пор, когда он последний раз был счастлив? Несколько месяцев? Лет? Ник тщетно пытался вспомнить то время, когда он был другим. Он помнил картинки, звуки… синеву неба, улыбку. Последнее четкое воспоминание о счастливом времени – его поездка на лондонском автобусе, автобусе с разодранными сиденьями и грязными стеклами. Он возвращался из посольства домой к Лорен…

Звонок в домофон заставил Ника вздрогнуть. Ему вдруг ужасно захотелось, чтобы рядом был кто-то, кто угодно, хоть разносчик газет. Ник снял трубку:

– Алло?

– Эй, Ник? Это Тим. Открой мне дверь.

– Хорошо. Заходи.

Ник открыл дверь. Интересно, Тим будет ужинать? Глупый вопрос. Он никогда не отказывался от ужина. Ник заглянул в холодильник и, к своему облегчению, обнаружил две упаковки полуфабрикатов. Он положил их в микроволновку.

Потом он вернулся к двери, и в этот момент открылись двери лифта.

– Приготовься. – Тим буквально выскочил из лифта. – Знаешь, что выяснил мой друг из ФБР?

– Даже боюсь спрашивать, – вздохнул Ник.

– Тот парень, Джеффри Фонтейн. Он мертв.

– Ну и что в этом нового?

– Нет, я говорю о настоящем Джеффри Фонтейне.

– Послушай, – ответил Ник. – Я решил завязать с этим делом. Но если хочешь остаться на ужин…

Тем временем Тим уже зашел в квартиру Ника.

– Видишь ли, Джеффри Фонтейн умер…

– Это так, – вздохнул Ник.

– …сорок два года назад.

Ник резко захлопнул дверь и уставился на Тима.

– Ха! – обрадовался тот. – Я знал, что это тебя заинтересует!

Глава 3

Весь день был пропитан ароматом цветов. На могиле у ног Сары лежали гвоздики, гладиолусы и лилии. Теперь всю оставшуюся жизнь их запах будет вызывать у нее отвращение. Он будет навевать воспоминания о могиле Джеффри с мемориальной плитой среди скошенной травы и о дымке тумана на этой равнине. Еще этот запах будет приносить с собой боль. И воспоминания об этом дне: о речи священника, когда лучшая подруга Эбби взяла ее под руку, и даже о том, как на лицо Саре упали первые капли холодного дождя. Она плохо осознавала свои чувства, потому что их заглушала боль.

Сара старалась не смотреть на вырытую могилу у своих ног и вместо этого устремила взор на холм вдали. Сквозь туман она видела, что местами холм розовый. Это цвели вишневые деревья. Но их вид лишь еще больше опечалил Сару. Эту весну Джеффри не увидит.

Голос священника понизился до неприятного баса. Холодная изморось колола Саре щеки и заливала ее очки. Туман усилился и скрыл от собравшихся остальной мир. Внезапно Эбби пихнула Сару локтем в бок, заставляя вернуться в реальность. Гроб уже опустили в могилу. Сара увидела, что на нее смотрят и чего-то ждут. Все присутствующие были ее друзьями, но она с трудом узнавала их. Даже Эбби, дорогая Эбби, сейчас была для Сары чужой.

Сара машинально наклонилась и взяла пригоршню мокрой земли. Она пахла дождем. Сара бросила землю в могилу и содрогнулась, когда та с глухим стуком ударилась о гроб.

Мимо проходили люди, в тумане похожие на призраков. Друзья Сары вели себя вежливо. Они разговаривали вполголоса. А она стояла посреди этого действа оцепеневшая, с сухими глазами. Запах цветов и влажный воздух заглушили в Саре все остальные чувства, и она ничего не замечала вокруг себя. Потом Сара

огляделась и обнаружила, что все разошлись, а возле могилы остались только она и Эбби.

– Дождь начинается, – заметила Эбби.

Сара подняла глаза к небу и увидела низкие облака, похожие на холодное серое одеяло. Эбби обняла ее за плечи сильной рукой и повела к автостоянке.

– Нам обеим необходимо выпить горячего чая, – сказала Эбби.

Эбби считала чай лекарством от всех болячек. Она пережила трудный развод и отъезд своих сыновей в колледж, попивая «Эрл Грей».

– По чашке чаю, а потом поговорим.

– Чашка чаю – звучит великолепно, – согласилась Сара.

Они медленно шли по поляне, держась за руки.

– Я знаю, тебе сейчас бесполезно это говорить, – нарушила молчание Эбби, – но боль пройдет, Сара. Правда пройдет. Мы, женщины, сильные в этом плане. Нам приходится.

– А если я не такая?

– Такая. Даже не сомневайся.

Сара тряхнула головой:

– Для меня сейчас все под вопросом. И все люди под вопросом.

– Ты ведь доверяешь мне, правда?

– Правда. – Сара посмотрела на широкое, мокрое от дождя лицо Эбби и улыбнулась. – Тебе я доверяю.

– Хорошо. Когда ты будешь в моем возрасте, ты поймешь, что все… – Эбби внезапно остановилась, ее дыхание стало тяжелым. Сара проследила за ее взглядом.

Сквозь туман она увидела, что к ним идет человек с темными, развевающимися на ветру волосами, в сером пальто, которое блестело от дождевых капель. Сара подумала, что он, наверное, давно стоял неподалеку, возможно, на всем протяжении похорон. От холода на его щеках проступил румянец.

– Здравствуйте, миссис Фонтейн, – сказал он.

– Здравствуйте, мистер О’Хара.

– Послушайте, я понимаю, что сейчас не самый подходящий момент, но я в течение двух дней пытался связаться с вами. Вы не отвечали на мои звонки.

– Не отвечала, – согласилась Сара.

– Мне нужно с вами поговорить. Стало кое-что известно. Думаю, вам стоит узнать.

– Сара, кто этот человек? – вмешалась Эбби.

– Ник О’Хара, – ответил ей Ник. – Я работаю в Департаменте иностранных дел. Если не возражаете, мэм, я бы хотел переговорить с миссис Фонтейн наедине.

– Может быть, она не хочет говорить с вами.

Ник посмотрел на Сару.

– Это важно, – сказал он.

Что-то во взгляде Ника заставило Сару согласиться. Она планировала больше никогда не говорить с ним. За последние два дня ее автоответчик записал полдюжины его звонков, и все их Сара проигнорировала. Джеффри мертв и похоронен. Хватит боли. Ник О’Хара только все испортит, опять начав задавать вопросы, на которые она не могла ответить.

– Пожалуйста, миссис Фонтейн.

В конце концов Сара кивнула.

– Все будет хорошо, – сказала она Эбби.

– Но вы не можете говорить прямо здесь. С минуты на минуту пойдет дождь!

– Я могу подвезти миссис Фонтейн до дома, – предложил Ник и, встретив подозрительный взгляд Эбби, добавил: – Не волнуйтесь. Я позабочусь о ней.

Эбби напоследок обняла и поцеловала Сару в щеку.

– Я позвоню тебе вечером, дорогая. Давай завтра вместе позавтракаем?

После этого с явной неохотой Эбби направилась к своей машине.

– Должен сказать, у вас замечательная подруга, – заметил Ник, глядя вслед удаляющейся Эбби.

– Мы уже много лет работаем вместе.

– В Институте здравоохранения?

– Да. В одной лаборатории.

Ник посмотрел на небо, затянутое темными грозовыми тучами. Резко похолодало.

– Ваша подруга права, – сказал Ник. – Сейчас пойдет дождь. Пойдемте к машине.

Он мягко дотронулся до рукава ее плаща. Сара машинально прошла вперед, предоставив Нику возможность открыть для нее дверцу переднего сиденья машины. Потом Ник и сам забрался внутрь и захлопнул свою дверцу. Некоторое время они сидели в молчании. У Ника был старый «вольво», практичный и без

наворотов – модель, которую используют исключительно для передвижения. Машина была ему под стать. Очки Сары запотели. Снимая их, она повернулась к Нику и заметила, что его волосы намокли.

– Вы, наверное, замерзли, – сказал Ник. – Я отвезу вас домой.

Он завел мотор. Заработала печка, и постепенно, уезжая прочь от кладбища, Ник и Сара согрелись. Шел дождь. На переднем стекле усиленно работали «дворники».

– А утро так красиво начиналось, – произнесла Сара, глядя в окно.

– Погоду невозможно предугадать. Впрочем, как и все в этом мире.

Ник мягко повернул машину на автотрассу к Вашингтону. Он вел машину спокойно и уверенно держал руль. Наверное, не любил рисковать. Наслаждаясь теплом печки, Сара откинулась на спинку сиденья.

– Почему вы не отвечали на мои звонки? – спросил Ник.

– Это было невежливо с моей стороны. Извините.

– Вы не ответили на мой вопрос. Почему вы не перезванивали?

– Думаю, потому, что я не хотела больше слышать никаких догадок насчет Джеффри и его смерти.

– Даже если это правда?

– Вы не говорите мне правду, мистер О’Хара. Вы строите догадки.

– Больше нет. – Ник мрачно смотрел на дорогу. – Теперь я знаю правду, миссис Фонтейн. Все, что мне нужно, – это его имя.

– О ком вы говорите?

– О вашем муже. Вы сказали, что познакомились с ним в кафе полгода назад. Должно быть, вы сразу же увлеклись им, а через четыре месяца вышли за него замуж, верно?

– Да.

– Я не знаю, как сказать, но Джеффри Фонтейн – настоящий Джеффри Фонтейн – умер сорок два года назад еще в младенчестве.

– Я не понимаю… – Сара не могла поверить в сказанное.

Ник продолжал смотреть на дорогу.

– Человек, за которого вы вышли замуж, присвоил себе имя умершего ребенка. Сделать это довольно просто. Нужно лишь узнать имя младенца, умершего в год вашего рождения, а потом сделать копию свидетельства о рождении. С ним уже можно получить номер социального обеспечения, водительские права, свидетельство о браке. Вы становитесь этим ребенком, но как бы уже во взрослом возрасте. Новая личность. Новая жизнь. И все документы при вас.

– Но… но откуда вы все это знаете?

– В наши дни все данные занесены в компьютер. Я проверил их и выяснил, что Джеффри Фонтейн не учился в школе, не платил налоги, не открывал счета в банке. Но год назад его имя вдруг появилось в десяти различных местах.

У Сары перехватило дыхание. Лишь через некоторое время она сумела прошептать:

– Тогда кем он был? За кем я была замужем?

– Я не знаю, – ответил Ник.

– Почему? Почему он это сделал? Почему он стал жить под другим именем?

– Я могу привести множество причин. Моя первая версия: его разыскивали за какое-то преступление. В полицейском архиве хранятся отпечатки его пальцев,

хотя в списке преступников ФБР его имя не значится.

– Тогда выходит, что он не преступник.

– Просто нет доказательств того, что он им был. По другой версии, Джеффри Фонтейн проходил свидетелем по какому-то делу, и государство наделило его другим именем, чтобы защитить. К сожалению, проверить это для меня проблематично. К этим данным не так просто подобраться. По этой версии выходит, что у кого-то был мотив убить вашего мужа.

– То есть… люди, против которых он давал показания… нашли его?

– Именно.

– Но если это так, Джеффри рассказал бы мне что-нибудь, он бы со мной поделился…

– И это наталкивает меня на мысль о еще одной версии. Возможно, вы с ней согласитесь.

– Говорите.

– Что, если новое имя и новая жизнь вашего мужа были всего лишь частью его работы? Возможно, он ни от кого не скрывался. Возможно, ему просто отдали приказ.

– Вы хотите сказать, Джеффри был шпионом?

Ник посмотрел на Сару и кивнул. Его глаза были серыми, как грозовые тучи за окном.

– Я не верю в это. Ни в одну из версий!

– Но они все возможны. Уверяю вас.

– Почему вы мне все это рассказываете? Откуда вы знаете, что я не его сообщница?

– Не думаю, миссис Фонтейн. Я читал ваше досье…

– Ах, так на меня тоже имеется досье? – горько усмехнулась Сара.

– Помните, вы несколько лет назад оформляли право допуска к секретной информации? Он был нужен для вашего исследования. Естественно, на вас тогда завели досье.

– Естественно.

– Но я уверен, что вы не связаны с делами Фонтейна не только из-за вашего досье. Мне подсказывает это мое интуитивное чутье. А теперь докажите мне, что я прав.

– Каким образом? Разговаривать с вами, подключившись к детектору лжи?

– Для начала расскажите мне о вас с Джеффри. Вы любили друг друга?

– Конечно, мы любили друг друга!

– То есть это был настоящий брак? У вас были… отношения?

– Да, – вспыхнула Сара. – Как у любой нормальной пары. Хотите знать, как часто? Когда?

– Мы с вами не в игры играем. Из-за вас я подставляюсь. Если мой подход вас не устраивает, возможно, методы ЦРУ понравятся вам больше.

– Так вы ни о чем не рассказали ЦРУ?

– Нет. – Ник упрямо вскинул подбородок. – Мне не нравится то, как они делают свою работу. Возможно, меня выгонят за это, возможно, нет.

– Так почему вы подвергаете себя такому риску?

Ник пожал плечами:

– Из любопытства. Может, это шанс для меня посмотреть, на что я способен.

– Достичь самоуважения?

– Наверное, отчасти для этого. Плюс… – Ник посмотрел на Сару, и их взгляды встретились. Он замолчал.

– Плюс что? – спросила Сара.

– Ничего.

Дождь лил как из ведра и струями стекал по переднему стеклу. Они пересекли городскую черту. Поездки в час пик всегда нервировали Сару. А сегодня, напротив, она была абсолютно спокойна. Ник вел машину так, что она чувствовала себя в безопасности. Вообще от всего, связанного с Ником, – от его уверенных рук на руле, теплого салона его машины, низкого тембра его голоса – исходило ощущение безопасности. Даже просто сидя рядом с ним, Сара чувствовала себя защищенной. Она представила, насколько защищенной, должно быть, чувствует себя женщина, находясь в его объятиях.

– Как видите, – снова заговорил Ник, – у нас много вопросов. Возможно, на некоторые из них у вас и есть ответ, но вы об этом не подозреваете.

– Нет у меня никаких ответов.

– Давайте начнем с того, о чем вы знаете.

В растерянности Сара тряхнула головой:

– Мы были женаты, а я даже его настоящего имени не знаю!

– Сара, даже лучшие шпионы иногда делают промахи. Наверняка были моменты, когда Джеффри ослаблял бдительность. Может, он разговаривал во сне? Или говорил вам что-то, чего вы не понимали? Подумайте.

Но Сара вдруг подумала не о Джеффри, а о Нике и закусила губу. Он назвал ее по имени. Сара.

– Даже если и было что-то такое, – сказала она, – то совсем незначительное… Или я просто не придавала этому значения.

– Например?

– Ну, Джеффри мог, например… мог раз или два назвать меня Иви. Но он всегда тут же извинялся. Он сказал, что это его бывшая девушка.

– А что насчет его семьи? Друзей? Джеффри рассказывал о них?

– Он говорил, что родился в Вермонте, а вырос в Лондоне, что его родители работали в театре и что оба они уже умерли. Джеффри никогда ничего не рассказывал о других своих родственниках. Он всегда казался мне таким… самодостаточным. У него не было близких друзей, даже на работе. По крайней мере, меня он ни с кем не знакомил.

– Ах да. Насчет его работы. Я все проверил. Похоже, ваш муж числился в платежной ведомости одного из лондонских банков. У него было место в операционном отделе. Но никто из работников точно не помнит, чем именно он занимался.

– Выходит, что место работы тоже ненастоящее.

– Похоже на то.

Сара устроилась в кресле поудобнее. Каждая деталь, которую сообщал Ник, потихоньку разрушала такой привычный для нее мир. Представления о ее замужестве рассыпались перед Сарой прахом, ведь ее свадьба не имела ничего общего с реальностью. Все было ненастоящим. Дождь, машина, работающие «дворники» на переднем стекле – вот ее действительность. Но самой главной

частью этой действительности являлся человек, который молча вел машину. Он не был иллюзией. Сара едва его знала, но он уже успел стать для нее единственной реальностью, за которую она могла ухватиться.

Сара задумалась о Нике О’Харе. Скорее всего, он не женат. Несмотря на его замкнутость, Сара находила его привлекательным. Любая женщина согласилась бы с ней. Но Сару привлекла не только его внешность. Она чувствовала, что Ник нуждается в близком ему человеке. Он производил впечатление одинокого человека. Под его глазами залегли тени, которые выдавали его тревожность. Он выглядел так, будто у него нет дома. Возможно, у Ника его и не было. В конце концов, работа во внешнеполитическом ведомстве не для домоседов и не для тех, кто мечтает об уютном загородном домике. А Ник О’Хара был явно городским человеком.

Дрожа от холода, Сара мечтала поскорее вернуться в свою квартиру и выпить чашечку чаю с Эбби.

«Уже скоро», – подумала она, глядя, как за окном мелькают знакомые улицы. Блестела мокрая дорога Коннектикут-авеню. Из-за ливня вишневые деревья потеряли почти все лепестки. Первый вздох весны был очень коротким.

Наконец Ник остановил машину у дома Сары и вышел, чтобы открыть ей дверцу. Это было очень мило. Джеффри тоже так делал. Этот галантный, но совершенно непрактичный жест. Времени на путь от машины до подъезда хватило, чтобы насквозь промокнуть. Темные волосы Ника немного завились, мокрые пряди прилипли ко лбу.

– Полагаю, у вас есть еще вопросы, – вздохнула Сара, поднимаясь по лестнице.

– Если вы предлагаете мне зайти к вам, то я согласен.

– Выпить чаю или провести допрос?

Ник улыбнулся и вытер мокрое лицо.

– Того и другого понемногу. Вас было так трудно найти, так что, пожалуй, я задам все свои вопросы сейчас.

Они как раз дошли до конца лестничного марша, и Сара уже собиралась ответить, но то, что она увидела, заставило ее застыть на месте.

Дверь ее квартиры была открыта. Кто-то взломал замок.

Опасаясь, что преступник еще внутри, Сара бессознательно кинулась назад к Нику и вцепилась в его руку. Ник настороженно посмотрел на открытую дверь. Сара не слышала ничего, кроме бешеного стука своего сердца. В квартире стояла абсолютная тишина.

Через открытую дверь на площадку падал свет. Ник сделал Саре знак оставаться на месте, а сам подошел к двери. Сара хотела было пойти за ним, но Ник посмотрел на нее таким тяжелым взглядом, что она тут же отпрянула.

Ник слегка толкнул дверь. Полоска света на полу стала шире. На несколько секунд Ник задержался на пороге квартиры, потом вошел.

Сара стояла у лестницы, испуганная этой давящей тишиной. Что происходит внутри? Потом на фоне света на полу возникла тень, и у Сары начался приступ паники. К ее облегчению, из-за двери выглянул Ник.

– Все в порядке, Сара, – сказал он. – Здесь никого нет.

Сара прошла мимо Ника и остановилась в гостиной, пораженная увиденной картиной. Она ожидала обнаружить пропажу каких-то вещей – телевизора или стереосистемы. Но все было на месте, даже антикварные часы все так же тикали на своей полке. Сара бросилась в спальню, за ней следом прошел Ник. Стоя на пороге, он наблюдал, как Сара подошла к туалетному столику и открыла шкатулку с драгоценностями. В ней на красном бархате лежало ожерелье из жемчуга. Захлопнув шкатулку, Сара повернулась и обвела взглядом всю комнату: огромная кровать, ночной столик с фарфоровой лампой на нем, шкаф. В замешательстве она посмотрела на Ника.

– Что-то пропало? – спросил он.

– Ничего. – Сара помотала головой. – Может, я просто забыла запереть дверь?

Ник вернулся в прихожую и склонился над порогом.

– Взгляните, – сказал Ник, указывая на деревянные щепки и осколки белой краски на сером ковре. – Замок, несомненно, взломали.

– Но это же абсурд! Зачем врываться в чью-то квартиру, если не собираешься ничего красть?

– Может, у вора было мало времени. Возможно, его спугнули… – Ник распрямился и посмотрел на Сару. – У вас встревоженный вид. С вами все в порядке?

– Я просто… я в растерянности.

Ник взял ее за руку. По сравнению с пальцами Сары его пальцы казались горячими.

– А еще вы замерзли, – сказал Ник. – Вам нужно переодеться в сухую одежду.

– Со мной все в порядке, мистер О’Хара. Правда.

– Ну же. Снимите плащ, – настаивал Ник. – И присядьте, а я пока сделаю пару звонков.

Что-то в голосе Ника было такое, отчего Сара поняла, что у нее просто нет выбора. Нужно подчиниться. Она позволила Нику помочь ей снять плащ, а потом села на диван. И вдруг Сара почувствовала, что, похоже, теряет контроль над своими действиями. Как будто, войдя в ее квартиру, Ник О’Хара стал распоряжаться ее жизнью. В знак протеста Сара отправилась на кухню.

– Сара? – окликнул ее Ник.

– Я хочу заварить чай.

– Не стоит себя утруждать…

– Это нетрудно. К тому же мы оба хотим чаю.

Из кухни Сара увидела, как Ник набрал чей-то номер. Она включила чайник и услышала, как он говорит по телефону:

– Алло? Пригласите, пожалуйста, Тима Гринстейна. Это Ник О’Хара… Да, я подожду.

Ждать пришлось долго. Ник уже начал расхаживать взад-вперед, словно зверь в клетке. Сначала он снял пальто, потом ослабил галстук. Казалось, в волнении он погрузился в свои мысли и был где-то далеко, за пределами маленькой уютной гостиной Сары.

– Может, вызвать полицию? – спросила Сара.

– Это будет моим следующим звонком. Для начала я хочу переговорить с одним человеком из бюро. Если меня, конечно, наконец соединят с ним.

– Бюро? Вы имеете в виду ФБР? Но почему?

– Кое-что меня беспокоит…

Засвистевший чайник не дал Нику договорить. Сара заварила чай и принесла на подносе в гостиную. Ник все еще прижимал к уху телефонную трубку.

– Черт, – пробормотал он. – Гринстейн, где тебя носит?

– Чаю, мистер О’Хара?

Ник повернулся к Саре:

– Ах да. Спасибо.

Сара присела на диван и поставила на колени чашечку и блюдце.

– Мистер Гринстейн работает на ФБР? – спросила она.

– Нет, но у него есть друг, который… Алло? Тим? Давно пора! Ты решил не отвечать на телефонные звонки?

Последовала пауза. По выражению лица Ника, по тому, как он вдруг застыл, Сара поняла, что что-то случилось. Ник побледнел и со стуком опустил свою чашку на блюдце.

– Черт подери, как об этом узнал Эмброуз?! – яростно рявкнул Ник, повернувшись к Саре спиной.

Еще пауза. Сара смотрела на Ника, гадая, что же могло привести его в такое бешенство. До этого момента она считала его человеком, который прекрасно владеет собой. Теперь же Сара изменила свое мнение. Эта вспышка гнева удивила ее, но и порадовала, словно являясь подтверждением того, что Ник О’Хара – живой человек.

– Хорошо, – произнес Ник. – Я буду там через полчаса. Слушай, Тим, тут тоже кое-что произошло. Кто-то взломал квартиру Сары. Нет, все на месте. Можешь дать мне номер твоего друга из ФБР? Я хочу… Да, прости, что втягиваю тебя во все это, но… – Ник повернулся к Саре, и та заметила его тревожный взгляд. – Хорошо! Через полчаса. Получу нагоняй. Встретимся у Эмброуза.

Ник нажал кнопку отбоя и нахмурился.

– Что случилось? – спросила Сара.

– Итак, восемь лет государственной службы закончились, – ядовито пробормотал Ник, надел пальто и направился к двери. – Я должен идти. Послушайте, у вас на двери есть цепочка. Закройте дверь с ее помощью. Ночуйте лучше сегодня со своей подругой. И вызовите полицию. Я постараюсь вернуться как можно быстрее.

Сара вышла за Ником на лестничную площадку.

– Но, мистер О’Хара… – окликнула она его.

– Потом! – бросил Ник.

Сара слышала, как он спускается по лестнице. Потом внизу хлопнула входная дверь.

Сара закрыла дверь на цепочку и медленно обвела взглядом комнату. На кофейном столике лежала стопка журналов «Прогресс в микробиологии». В вазе стояли пионы. Их лепестки осыпались на полку с книгами. Все на своем месте.

Нет, не совсем. Что-то изменилось. Если бы только ей удалось понять что…

Сара вышла на середину комнаты и вдруг… На полке было пустое место. Пропала их с Джеффри свадебная фотография.

Яростный крик подступил к ее горлу. Впервые с того момента, как она вернулась в квартиру, Сара почувствовала, что ее действительно обокрали, и впала в ярость. Ведь это всего лишь фотография! Пара лиц, улыбающихся в камеру. И эта фотография представляла для нее бульшую ценность, чем все остальное в ее квартире. Фотография – единственное, что осталось от Джеффри. Даже если их свадьба была обманом, Сара не хотела забывать, как она его любила. Из всех вещей в квартире почему вор забрал именно фотографию?

Зазвонил телефон, и Сара вздрогнула. Наверное, это звонит Эбби, она ведь обещала. Сара сняла трубку.

Первое, что она услышала, – это шипение междугороднего соединения. Сара замерла и уставилась на то место, где раньше стояла пропавшая фотография.

– Алло? – произнесла она.

– Приди ко мне, Сара. Я люблю тебя.

Крик застрял у нее в горле. Комната закружилась перед глазами, и Сара оперлась на что-то, чтобы не упасть. Телефонная трубка выскользнула из ее пальцев и с глухим стуком упала на ковер.

«Это невозможно! – пронеслось у нее в голове. – Джеффри мертв…»

Она опустилась на пол и снова взяла в руки трубку, взяла, чтобы услышать того, кто мог быть только привидением.

– Алло? Алло? Джеффри! – кричала Сара.

Шипение в трубке прекратилось. Лишь тишина, а через несколько мгновений – длинный гудок зуммера.

Но того, что Сара слышала, было достаточно. Все произошедшее за последние две недели исчезло, как страшный сон под натиском солнечных лучей. Все это было чем-то нереальным. Реальностью был голос, который она только что слышала, который она так хорошо знала.

Джеффри жив.

Глава 4

– Ну наконец-то, О’Хара! – Чарлз Эмброуз стоял у закрытой двери в свой кабинет. Увидев Ника, он выразительно посмотрел на часы: – Кстати, ты опоздал на двадцать минут!

Ник повесил пальто на вешалку и невозмутимо ответил:

– Я извиняюсь. Это не от меня зависело. Из-за дождя…

– Да ты хоть знаешь, кто сейчас ждет в моем кабинете? Ты хоть представляешь? – Нет. Кто же?

– Сын одного… – Эмброуз вдруг понизил голос: – ЦРУ – вот кто! Парень по имени Ван Дам. Сегодня утром он мне звонит и спрашивает: «Ну, как там дело Фонтейна?» А я в ответ спрашиваю его: «Какое еще дело Фонтейна?» И ему пришлось поведать мне, что творится в моем собственном отделе! Господи, О’Хара! Какого черта ты тут вытворяешь? – Вообще-то свою работу, – спокойно ответил Ник.

– Твоей работой было выразить соболезнования вдове и проследить, чтобы ей доставили тело. Это все, что от тебя требовалось. Вместо этого Ван Дам мне говорит, что ты играешь в Джеймса Бонда с Сарой Фонтейн.

– Что ж, я был на похоронах, и да, я подвозил миссис Фонтейн домой. Разве это можно назвать игрой в Джеймса Бонда? В ответ Эмброуз распахнул дверь кабинета и рявкнул: – Заходи, О’Хара!

Ник спокойно вошел внутрь. Жалюзи на окне были открыты, и свет угасающего дня падал на плечи человеку, который сидел за столом Эмброуза. Около сорока пяти лет, высокий, молчаливый и какой-то бесцветный, как день за окном. Он сидел, положив на стол сцепленные руки. Тима Гринстейна в кабинете не было. Эмброуз закрыл дверь, прошел мимо Ника и сел на стул возле стены. То, что незнакомец выжил Эмброуза с законного места, говорило о его высоком положении.

«Наверное, этот парень – один из начальников ЦРУ», – подумал Ник.

– Пожалуйста, присаживайтесь, мистер О’Хара, – сказал незнакомец. – Меня зовут Джонатан Ван Дам.

Больше он не сказал о себе ничего. Только имя.

Ник сел на стул. Но не потому, что боялся ослушаться. Он не хотел еще больше злить начальство, ведь его и так сейчас ждет выволочка.

Некоторое время Ван Дам просто смотрел на Ника бесцветными глазами. Потом взял со стола то, что оказалось личным делом.

– Надеюсь, вы не волнуетесь. – Ван Дам принялся его листать. – Так, посмотрим. Вы работаете на правительство уже восемь лет.

– Восемь лет и два месяца, – уточнил Ник.

– Два года в Гондурасе, два в Каире и четыре года в Лондоне. И все на службе в консульстве. Никаких нареканий, кроме двух докладных. Здесь сказано, что в Гондурасе вы… э… уделяли слишком много внимания проблемам местного

населения.

– Потому что политика нашей страны в том регионе просто омерзительна.

– Поверьте мне, вы не первый, кто говорит это.

Видя, что Ван Дам улыбается, Ник расслабился. Он бросил взгляд на Эмброуза. Тот, очевидно, ожидал стать свидетелем расправы над Ником и теперь был крайне разочарован.

Ван Дам откинулся на спинку кресла:

– Мистер О’Хара, это страна, где у людей различные взгляды на те или иные вещи. Я уважаю таких, как вы, людей, способных думать своей головой. К сожалению, наличие независимого мнения не поощряется на государственной службе. Я так понимаю, причиной второй докладной стало именно это?

– Вы говорите о том инциденте в Лондоне?

– Да. Не могли бы вы рассказать о нем подробнее?

– Уверен, что Рой Поттер обо всем доложил ЦРУ. По крайней мере, он рассказал свою версию событий.

– Расскажите вашу.

Ник откинулся на стуле, чувствуя, как в нем закипает злоба при воспоминании об этом инциденте.

– Это случилось, когда нашего начальника Дэна Либермана не было в городе. Я замещал его. В один из вечеров ко мне обратился один человек по имени Владимир Соколов. Он просил о конфиденциальном разговоре. Соколов был атташе российского посольства в Лондоне. О, вы знаете, я встречался с ним и до этого, во время обычных приемов. Он всегда казался мне каким-то нервозным. Обеспокоенным. Итак, на одном из мероприятий посольства – точно не помню, кажется, это была встреча с послом – он отвел меня в сторону и сказал, что хочет поговорить со мной наедине. У него была информация, которую он хотел

продать, хорошая информация, на мой взгляд. Я немедленно доложил обо всем Рою Поттеру. – Ник перевел взгляд на Эмброуза. – Поттер являлся главным по сбору сведений в нашей лондонской делегации. – Он снова посмотрел на Ван Дама. – Поттер отнесся к моему сообщению весьма скептически. Он хотел вначале попробовать использовать Соколова в качестве двойного агента. Возможно, чтобы получить какие-то важные сведения о Советском Союзе. Я пытался убедить его, что Соколов находится в реальной опасности. В Лондоне у него была семья: жена и двое детей. Но Поттер решил подождать какое-то время, прежде чем принять Соколова.

– И я его понимаю. Соколов был связан с КГБ. На месте Поттера я бы тоже сначала проверил мотивы Соколова.

– Да? Если он был подсадной уткой, то почему тогда через два дня дети Соколова нашли его мертвым? Даже Советский Союз не избавляется от своих сотрудников без причины. Ваши люди скормили его волкам.

– Разведка – это опасная работа, мистер О’Хара. Такие вещи случаются.

– Уверен, что случаются. Но в этом случае я чувствую личную ответственность. И я не хотел, чтобы Рою Поттеру все сошло с рук.

– Здесь говорится, что вы двое устроили скандал на лестнице в посольстве. – Ван Дам покачал головой, читая доклад, и рассмеялся. – Вы назвали мистера Поттера большим количеством… э-э… красочных слов. Бог мой, тут есть одно, которое я вообще никогда до этого не слышал. И ваши сотрудники все слышали.

– Насчет этого я признаю свою вину.

– Мистер Поттер также заявляет, что вы были… дайте я процитирую: «…в ярости, не контролировал себя и был близок к совершению насильственных действий» – конец цитаты.

– Я не был близок к совершению насильственных действий.

Ван Дам закрыл протокол и сочувственно улыбнулся:

– Я понимаю, мистер О’Хара, каково это, быть окруженным некомпетентными людьми. Господи, да я чуть ли не каждый день удивляюсь, как наша страна еще держится. Я говорю не только о разведке, а вообще. Обо всем. Я вдовец, и моя жена оставила мне огромный дом. Я даже не могу найти приличную домработницу или садовника, которые хорошо следили бы за моими азалиями. На работе мне иногда хочется воздеть руки и воскликнуть: «Да забудь ты про это! Я делаю свою работу по-своему, и к черту все правила!» Наверное, вы тоже так чувствуете? Конечно же. Я же вижу, что вы, как и я, бунтарь.

Ник почувствовал, что разговор ушел куда-то не в ту сторону. Домработницы? Азалии? К чему ведет этот человек?

– Здесь написано, что до департамента вы работали в Американском университете. – Ван Дам снова обратился к личному делу Ника.

– Я был одним из профессоров. Специальность – лингвистика.

– О, прошу прощения. На самом деле к вам нужно обращаться профессор О’Хара, не так ли?

– Не важно.

– Даже в университете вы отличались наличием собственных взглядов. Такую черту характера уже не изменить. Мистер Эмброуз утверждает, что вы не подходите для данной работы. Вы – как белая ворона. Думаю, вы сами чувствуете себя одиноко здесь.

– К чему вы ведете, мистер Ван Дам?

– К тому, что одинокий человек может найти… привлекательным, так сказать, сотрудничество с другими бунтарями. К тому, что со злости вы можете начать работать согласно чужим интересам.

Ник замер.

– Я не изменник, если вы намекаете на это.

– Нет-нет! Я ведь этого не говорил. Мне не нравится слово «изменник». Оно такое неточное. В конце концов, определение этого слова варьируется в зависимости от политической ориентации человека.

– Я знаю, кто такой изменник, мистер Ван Дам! Так получилось, что я не согласен с политикой нашей страны, но это еще не делает меня предателем!

– Что ж, тогда, возможно, вы объясните свою вовлеченность в дело Фонтейна.

Ник заставил себя глубоко вдохнуть. Итак, наконец они подобрались к самому главному.

– Я делал свою работу. Две недели назад в Германии погиб Джеффри Фонтейн. Я получил обычное задание: позвонить вдове с соболезнованиями. Кое-что из сказанного ею насторожило меня. Я просмотрел компьютерные данные о Фонтейне – обычная проверка – и обнаружил, что некоторых сведений не хватает. Поэтому я позвонил своему другу…

– Мистеру Гринстейну, – уточнил Ван Дам.

– Послушайте, не впутывайте его в это дело. Он всего лишь оказал мне услугу. У него есть знакомый в ФБР, который поискал информацию по Фонтейну. Ее нашлось не так уж много. Я получил больше вопросов, чем ответов. И я решил поговорить с вдовой Фонтейн.

– Почему вы не обратились к нам?

– Я не был уверен, что такие случаи находятся в вашей компетенции. Я имею в виду юридически.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Номер социального обеспечения – уникальный девятизначный номер, присваиваемый гражданам и резидентам США. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Менеер – голландское уважительное обращение к мужчине, аналог слова «господин».

Купить: https://tellnovel.com/ru/tess-gerritsen/zvonok-posle-polunochi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить